

На правах рукописи

Handwritten signature of I. G. Litvinenko, written in black ink on a white background, positioned below the text 'На правах рукописи'.

ЛИТВИНЕНКО Игорь Геннадьевич

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО
ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ**

**5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
(психологические науки)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Ростов-на-Дону-2026

**Работа выполнена в государственном бюджетном образовательном
учреждении высшего образования Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова»**

Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор
Лучинкина Анжелика Ильинична

Официальные оппоненты: **Духновский Сергей Витальевич**
доктор психологических наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Феде-
рации» (г. Санкт-Петербург), кафедра юридиче-
ской психологии, профессор;

Шилова Наталья Петровна
кандидат психологических наук,
Покровский филиал ФГБОУ ВО «Московский пе-
дагогический государственный университет»
(г. Покров), кафедра гуманитарных и психолого-
педагогических дисциплин, доцент

Ведущая организация – **ФГБОУ ВО «Российский государственный пе-
дагогический университет им. А. И. Герцена»
(г. Санкт-Петербург)**

Защита состоится 29 мая 2026 г. в 10.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.081.02, созданного на базе ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» и ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» по адресу: г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, 1 корп., ауд. 1-450.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» по адресу: 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, 7 корп., ауд. 7-104; <https://donstu.ru/>; в библиотеке и на сайте ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» по адресу: 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, 3 корп.; <https://kipu-rc.ru/>

Автореферат разослан 27 апреля 2026 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

**Пищик
Влада Игоревна**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современный этап общественного развития характеризуется усилением роли молодежи в социальных, политических, экономических процессах. Молодежь является группой, наиболее интенсивно включенной в цифровые коммуникации, поэтому ее социализация и личностное становление в значительной мере происходят в интернет-пространстве.

Высокая интенсивность онлайн-взаимодействия сопровождается усвоением специфических норм, ценностей и поведенческих сценариев цифрового пространства. В этих условиях трансформируется субъективное переживание времени: ослабляется значимость линейности жизненного пути, усиливается установка на множественность и обратимость возможных сценариев. Указанные изменения являются новообразованием виртуальной среды, расширяют пространство выбора, но одновременно могут затруднять долгосрочное целеполагание и формирование целостного, реалистичного и позитивного образа будущего, особенно у молодежи.

Цифровая среда, с одной стороны, предоставляет новые ресурсы самореализации, доступа к информации и построения социальных связей; с другой – повышает риск фрагментации жизненных планов, ситуативности решений и рассогласования между актуальными действиями и долгосрочными целями, что может привести к искажению образа будущего и, как следствие, к личностным девиациям. Это актуализирует необходимость изучения психологических особенностей образа будущего интернет-активной молодежи.

Таким образом, исследование представлений интернет-активной молодежи о будущем позволит уточнить механизмы формирования образа будущего в условиях цифровизации, выявить факторы риска и ресурсы его конструктивного развития, а также использовать полученные результаты в практике образовательной и социальной политики.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Среди многочисленных подходов к исследованию категории «будущее» выделяются два взаимодополняющих направления: социально-философское и психологическое.

Работы исследователей в области социально-философского направления определяют образ будущего как инструмент коллективного целеполагания и общественно-политической мобилизации (Н.М. Великая, Н.Н. Козлова, О.Г. Овчарова, С.В. Рассадин). Отечественные исследователи отмечают динамику массовых образов желаемого и необходимого будущего и их связь с идентичностью и гражданским участием (Г.В. Тартыгашева, А.А. Хохлов, И.С. Шушпанова). При этом, несмотря на активность философского дискурса, влияние интернет-активности молодежи на формирование индивидуального образа будущего остается за пределами эмпирических исследований.

В контексте психологических исследований образа будущего личности немаловажным вопросом является определение его структуры. В работах К.Н. Бе-

логай, Н.А. Бугровой, Е.Б. Быковой, Д.П. Заводчикова, Е.В. Лебедевой, А.В. Михальского, А.А. Стрельцовой, А.А. Шарова отражаются имеющиеся подходы к рассмотрению структуры образа будущего личности. Однако предлагаемые авторами концепции не отражают структуру образа будущего интернет-активной личности и относятся к подростковому возрасту, что сужает поле исследования.

Отдельные компоненты образа будущего молодежи – возрастные, гендерные и статусные различия, связь с субъективным благополучием, ценностями и согласованностью жизненных планов – рассмотрены в работах А.Д. Андреевой, О.Ю. Горчаковой, С.В. Духновского, Е.Ю. Коржовой, А.В. Ларионовой, Н.Д. Скосыревой, И.А. Филенко, Н.П. Шиловой. В отдельных исследованиях отмечается эпизодический всплеск интереса к воображению будущего и «непрерывности будущего Я» (Е.К. Hong, С. Sedikides, Y. Zhang). Тем не менее интеграция когнитивно-временных и эмоциональных механизмов с характеристиками интернет-активности в исследованиях авторов встречается эпизодически и требует теоретико-методологического развития.

Учеными исследуется роль образа будущего в регуляции поведения, определении жизненного смысла и влияния позитивного будущего на текущую активность личности, влиянии жизненных ценностей и смыслов на образ будущего (Н.М. Великая, Н.Н. Козлова, О.Г. Овчарова, С.В. Рассадин, Г.В. Тартыгашева, А.А. Хохлов, И.С. Шушпанова). В то же время остается малоизученным механизм формирования и предикторы образа будущего интернет-активной молодежи.

Научная проблема исследования заключается в выявлении психологических характеристик, определяющих содержание, эмоциональную окраску и временную перспективу образа будущего у интернет-активной молодежи для разработки адекватных стратегий психологического сопровождения молодых людей.

Цель исследования – выявить и описать психологические особенности образа будущего интернет-активной молодежи.

Объект исследования – образ будущего интернет-активной молодежи.

Предмет исследования – психологические особенности образа будущего интернет-активной молодежи.

Гипотезы исследования.

1. Образ будущего интернет-активных молодых людей может быть представлен цифровой, когнитивной, эмоциональной и инструментальной составляющими, содержание которых может быть обусловлено определенными характеристиками.

2. В зависимости от выраженности и сочетания цифровых, когнитивных, эмоциональных маркеров образа будущего могут быть выделены конструктивный и неконструктивный типы образа будущего личности интернет-активной молодежи.

3. Может быть построена и апробирована программа психологического сопровождения личности, ориентированная на психологические особенности образа будущего и позволяющая своевременно обеспечить психологическую помощь молодым людям.

Задачи исследования:

1. Определить теоретико-методологические подходы к исследованию образа будущего личности.
2. Теоретически обосновать и эмпирически определить психологические предикторы образа будущего интернет-активной молодежи.
3. Теоретически выявить и эмпирически определить типологию образа будущего интернет-активной молодежи.
4. Разработать и апробировать программу психологического сопровождения молодежи с неконструктивным типом образа будущего.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: субъектно-деятельностный подход к изучению личности (К.А. Абульханова-Славская, С.Л. Рубинштейн); теория интернет-социализации личности (А.И. Лучинкина, Г.У. Солдатова); концепция временной перспективы (К.А. Абульханова, Р.А. Ахмеров, Т.Н. Березина, Е.И. Головаха, Ф. Зимбардо, А.А. Кроник, К. Левин, Д.А. Леонтьев); концепция образа будущего личности (В.Н. Петрова), адаптивный и преадаптивный подход к развитию личности (И.В. Абакумова, А.Г. Асмолов, М.В. Годунов).

Методы исследования: теоретический анализ, констатирующий эксперимент. В качестве эмпирических методов исследования использовались: свободное сочинение на тему: «Каким я вижу свое будущее...» – для исследования когнитивных установок личности по поводу будущего; психодиагностический набор методик для изучения предикторов образа будущего интернет-активной молодежи, включающий методику «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина) – для оценки виртуальности, вовлеченности и мотивов пребывания в виртуальном пространстве; методику «Методика изучения образа возможного будущего» (В.Н. Петрова) – для диагностики образа возможного будущего личности; методику «Опросник временной перспективы Зимбардо» (Ф. Зимбардо и А. Гонсалес, адаптация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной) – для исследования отношения личности к временному континууму; методику «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром, адаптация Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская) – для исследования компетентности во времени личности; краткую версию опросника «Тест эмоционального интеллекта» (Д.В. Люсин, А.А. Панкратова, Д.С. Корниенко) – для диагностики эмоционального интеллекта личности; методику «Шкала эмоциональных схем Лихи» (Р. Лихи, адаптация Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского, Я.А. Кочеткова и А.В. Ялтонской) – для исследования восприятия и реакции личности на собственные эмоции.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняли участие 374 респондента в возрасте от 17 до 25 лет, являющиеся интернет-пользователями, из них: обучающиеся Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (358 респондентов); случайно выбранные пользователи сети Интернет, являющиеся студентами иных образовательных организаций (16 респондентов).

Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечивалась всесторонним теоретическим анализом проблемы, внутренней согласованностью методологических подходов, использованием надежных и валидных психодиагностических методик, адекватных целям и задачам исследования, достаточным объемом и репрезентативностью выборки, а также применением корректных методов статистической обработки эмпирических данных.

Основные научные результаты, полученные лично автором, и их научная новизна. Расширено понятие об образе будущего интернет-активной молодежи. Определены особенности представлений о будущем интернет-активной молодежи с различным уровнем виртуальности и вовлеченности в интернет-пространство. Выявлена взаимосвязь между мотивами использования сети Интернет, образом возможного будущего личности, отношением личности к временному континууму, компетентностью во времени личности, эмоциональным интеллектом личности, выраженностью эмоциональных схем, уровнем виртуальности и вовлеченности интернет-активной молодежи в цифровом пространстве. Выявлены когнитивные установки по поводу будущего, формирующиеся при взаимодействии интернет-активной молодежи с цифровым пространством сети Интернет. Предложена типология образа будущего, основанная на особенностях образа будущего интернет-активной молодежи. Разработана программа психологического сопровождения для лиц с пограничным и дезадаптивным типом образа будущего.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты проведенного исследования дали возможность определить психологические особенности образа будущего интернет-активной молодежи, а именно выделить предикторы образа будущего, которые свойственны интернет-пользователям с различным уровнем виртуальности и вовлеченности в сети Интернет.

Практическая значимость проводимого исследования состоит в создании системы психологического сопровождения личности с пограничным и дезадаптивным типом образа будущего, ориентированной на предикторы образа будущего и позволяющей своевременно обеспечить психологическую помощь молодежи.

Положения, выносимые на защиту.

1. Образ будущего интернет-активной молодежи включает цифровую (активность и погруженность в Сеть, мотивы пребывания в сети Интернет), когнитивную (установки по поводу будущего, смысловая жизненная перспектива), эмоциональную (эмоциональный интеллект, выраженность эмоциональных схем) и инструментальную (отношение личности к временному континууму, отношение к будущему, компетентность во времени, пространственно-временная жизненная перспектива) составляющие.

2. Психологическими предикторами образа будущего интернет-активной молодежи являются: в группе цифровых маркеров – вовлеченность, виртуальность, мотив взноса; в группе когнитивных маркеров – смысловая жизненная перспектива; в группе инструментальных маркеров – компетентность во времени; в группе эмоциональных маркеров – общий эмоциональный интеллект. В

зависимости от выраженности и сочетания предикторов образа будущего могут быть выделены конструктивный (адаптивный) и неконструктивный (пограничный и дезадаптивный) типы образа будущего личности интернет-активной молодежи.

3. Программа психологического сопровождения личности с пограничным и дезадаптивным типом образа будущего опирается на развитие целостного восприятия временной перспективы и эмоциональной регуляции и направлена на повышение адаптивности и конструктивности при формировании образа будущего интернет-активной молодежи.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения, выводы, результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (Симферополь, 2023-2025) и были представлены на: Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы науки и образования: теория и практика» (Иркутск, 2024); II Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2024); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых учёных «Молодая наука» (Симферополь, 2024); Научной конференции «Социально-психологические закономерности развития личности в условиях цифрового общества» (Симферополь, 2024); IV очно-заочном Всероссийском студенческом брифинге «Актуальные исследования психологической науки» (Симферополь, 2025); Международной научно-практической конференции «Традиции и инновации в современной психологии и педагогике» (Киров, 2025); III Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2025); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых учёных «Молодая наука» (Симферополь, 2025), XVIII Международной научно-практической конференции «Шамовские чтения» (Москва, 2026).

Материалы исследования используются в деятельности Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (Симферополь), Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь), Крымского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» (Симферополь).

Публикации. По теме исследования опубликовано 8 работ общим авторским объемом 2,95 п.л.; из них 6 – в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, включающего общие выводы, практические рекомендации и перспективы для дальнейшего изучения проблематики, списка использованной литературы, включающего в себя 159 источников, в том числе 17 – на иностранном языке. Работа иллюстрирована 11 таблицами, 25 рисунками. Основной объем работы составляет 162 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснованы выбор темы исследования; актуальность; названы объект и предмет исследования; сформулированы цель, задачи, гипотезы исследования; дана общая характеристика работы; показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; даны сведения об апробации и внедрении результатов; сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретико-методологические подходы к исследованию образа будущего личности» проанализированы теоретико-методологические подходы к изучению образа будущего личности; разработана теоретическая модель исследования.

В психологической науке образ определяется как сложная многокомпонентная структура (Л.П. Гримак, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов). А.Н. Леонтьев рассматривает его как результат отражения действительности в психике субъекта, при этом подчеркивается его смыслообразующая функция. С позиции С.Л. Рубинштейна, образ существует в неразрывной связи с деятельностью и сознанием. Б.Ф. Ломов и А.А. Гостев акцентируют внимание на системной и перцептивно-коммуникативной природе образов в процессе саморегуляции и межличностного взаимодействия. Исходя из этого, понятие образа определяется как результат завершеного отражения личностью субъектов и объектов реального мира во временной последовательности событий.

Отдельное внимание уделяется феномену образа будущего, который трактуется как психическое новообразование, обусловленное личностным смыслом, временной перспективой, мотивационно-ценностной структурой и жизненной стратегией субъекта. Приверженцы биографического подхода к изучению личности Е.И. Головаха и А.А. Кроник, характеризовали жизненную перспективу как картину будущей жизни, которая представлена противоречивой связью ожидаемых и планируемых событий, с которыми человек связывает социальную ценность и индивидуальный смысл жизни. Согласно К.А. Абульхановой-Славской, образ будущего проявляется в рамках «жизненной стратегии», задающей вектор активности личности. Д.А. Леонтьев подчеркивает его регуляторную функцию, указывая на то, что образ будущего направляет текущую деятельность. Л.И. Анцыферова рассматривает его через призму мировоззренческих компонентов и жизненной позиции. Рассматривая образ будущего через призму адаптивного и преадаптивного подхода к развитию личности (И.В. Абакумова, А.Г. Асмолов, М.В. Годунов), образ будущего является не фиксированной проекцией, а динамическим регулятором поведения, сочетающим два режима: адаптивный, обеспечивающий стабильность, и преадаптивный, который характеризуется вариативностью, избыточностью и готовностью к новому. В структуре образа будущего выделяются когнитивные, эмоциональные, смысловые и поведенческие компоненты (Е.Б. Быкова, А.В. Михальский). Отмечается различие между физическим и психологическим временем, последнее из которых характеризуется субъективностью и переживанием хода жизни. Л.Н. Тарасова и

С.Ю. Ковалев определяют психологическое время как эмоционально-когнитивное переживание сменяющихся событий и их значимости для личности.

Теоретический анализ структуры и функций психологического времени в работах Ш. Бюлер, В. Дильтея, Ф. Зимбардо, И. Канта, К. Левина, А. Маслоу, Г. Эллиенберга выявил центральное понятие – временную перспективу, которая, по К. Левину, представляет собой ориентацию личности в субъективном прошлом и будущем. Ф. Зимбардо предлагает типологию временных ориентаций: позитивное и негативное прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее, планируемое и трансцендентное будущее. Ж. Нюттен акцентирует внимание на когнитивных и перцептивных механизмах построения временной перспективы, выделяя такие параметры, как протяженность, насыщенность распределения объектов, степень структурированности объектов, а также степень яркости и реалистичности. Психологическое время определяется как категория, характеризующаяся восприятием, осознанием и качественным упорядочиванием событий жизненного пути личности во времени.

В отечественной науке временная перспектива рассматривается как субъективная структура связей между жизненными событиями, обеспечивающая конструирование образа жизни (Е.И. Головаха, А.А. Кроник). М.Р. Гинзбург вводит понятие «жизненного поля», включающего прошлое как опыт, настоящее как действие, а будущее как план. Подчеркивается важность субъективной картины жизненного пути как формы интеграции жизненных смыслов, целей и мотивов. На основании анализа научной литературы определено, что временная перспектива определяет глубину жизненного пространства в контексте времени.

Подчеркивается, что в соответствии с концепцией интернет-социализации личности А.И. Лучинкиной, современная личность функционирует в условиях цифровой реальности, где интернет-пространство выступает не только как средство коммуникации, но и как среда самореализации, проектирования и представления будущего. Цифровое пространство предоставляет новые возможности для целеполагания и самоактуализации личности, что оказывает влияние на образ будущего личности и механизмы его формирования.

Отмечается, что феномен цифровой идентичности, а также особенности интернет-активности напрямую связаны с формированием специфического образа будущего. По мнению А.И. Заграничного и Б.С. Клементьева, цифровая активность сопряжена с переносом социальной активности в виртуальную среду, что влияет на изменение смысловых ориентаций личности. Н.П. Дедов рассматривает интернет как фактор виртуализации опыта, трансформирующий субъективные характеристики личности.

По результатам обзора научной литературы определено, что когнитивные установки по поводу будущего (С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе), особенности пространственно-временного отношения к будущему (К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, Ф. Зимбардо, В.А. Ковалев, А.А. Кроник, В.Н. Мясищев) и эмоциональный компонент (Л.В. Винокуров, Р.Л. Лихи, Д.В. Люсин, Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д.В. Ушаков) непосредственно связаны с временной перспективой и жизненными стратегиями интернет-активной молодежи, оказывая воздействие на восприятие жизненных событий и формирование образа будущего.

В центре внимания находится влияние цифровой среды на структуру и направленность образа будущего, включая активацию прагматических или девиантных стратегий поведения. Делается акцент на необходимости междисциплинарного подхода и актуальности субъектно-деятельностной парадигмы для анализа процессов самоопределения и жизненного проектирования в виртуальной среде.

Проведенный теоретический анализ по проблеме исследования позволил определить, что образ будущего – это многоуровневая структура, включающая в себя цифровую, когнитивную, эмоциональную и инструментальную составляющие. Выбор таких обозначений составляющих обусловлен содержанием включенных показателей, а также их функциональной ролью в структуре образа будущего.

Цифровая составляющая включает цифровые характеристики личности, включая мотивы пребывания в Сети, виртуальность и вовлеченность респондента, когнитивная – установки по поводу будущего, а именно: совокупность ожиданий, целей и ценностей личности в контексте представлений о своем будущем. Инструментальная составляющая включает восприятие времени и пространства личностью: протяженность временной перспективы, ориентацию личности на тот или иной временной промежуток (прошлое, настоящее, будущее), а также способность личности проживать жизнь в реальном времени, избегая откладывания важных жизненных моментов на будущее или погружения в воспоминания о прошлом. Эмоциональная составляющая представлена способностью личности к пониманию своих и чужих эмоций, а также управлению ими. Немаловажным фактором является когнитивная оценка эмоций, предполагающая наличие у индивида собственных эмоциональных схем, определяющих его восприятие и интерпретацию эмоций. Данные схемы содержат в себе информацию о природе эмоций, их причинах и подходах к регуляции.

Содержательные различия между интернет-активной и интернет-пассивной молодежью проявляются, прежде всего, в степени интеграции цифрового опыта в когнитивно-временную и эмоционально-смысловую организацию личности. У интернет-активной молодежи образ будущего формируется в условиях множественности цифровых ролей, ускоренной смены событий и специфических искажений восприятия времени, тогда как у «интернет-пассивной» молодежи доминируют более традиционные механизмы жизненного планирования, опирающиеся на реальный социальный опыт и устойчивые временные ориентиры (А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина).

Предполагается, что выраженность и сочетание предикторов формируют типологию образа будущего личности интернет-активной молодежи, которая включает в себя адаптивный, пограничный и дезадаптивный образ будущего.

Во второй главе «Экспериментальное исследование образа будущего личности интернет-активной молодежи» разработана эмпирическая модель исследования, учитывающая особенности формирования образа будущего интернет-активной молодежи; определены задачи эмпирического исследования, приведены методы сбора и обработки результатов эмпирических данных, опи-

саны математические методы обработки и анализа данных, объем и общая характеристика выборки; представлены основные этапы исследования; описаны результаты исследования предикторов образа будущего интернет-активной молодежи; изучены предикторы и определена типология образа будущего интернет-активной молодежи.

На основании теоретической модели была разработана эмпирическая модель исследования, включающая алгоритм и набор диагностического инструментария для изучения предикторов образа будущего интернет-активной молодежи. Разработанная эмпирическая модель позволила: эмпирически исследовать цифровые, когнитивные, инструментальные и эмоциональные предикторы образа будущего интернет-активной молодежи; эмпирически определить типологию предикторов образа будущего интернет-активной молодежи; разработать и апробировать систему психологического сопровождения личности с пограничным и дезадаптивным типом образа будущего.

Эмпирическое исследование состояло из двух этапов. Первый этап предполагал определение групп респондентов с учетом уровня виртуальности и вовлеченности в сети Интернет и исследование цифровой, когнитивной, инструментальной и эмоциональной составляющих образа будущего в выделенных группах. Для исследования образа будущего интернет-активной молодежи был подобран комплекс психодиагностических методик, позволяющий провести комплексное изучение всех компонентов образа будущего интернет-активной личности. Сравнение по активности было реализовано посредством дифференциации уровней интернет-активности внутри выборки интернет-активной молодежи. Цифровые характеристики виртуальности и вовлеченности позволили выделить группы с различной степенью включенности в интернет-пространство, что обеспечило более тонкий анализ влияния интернет-активности на формирование образа будущего личности.

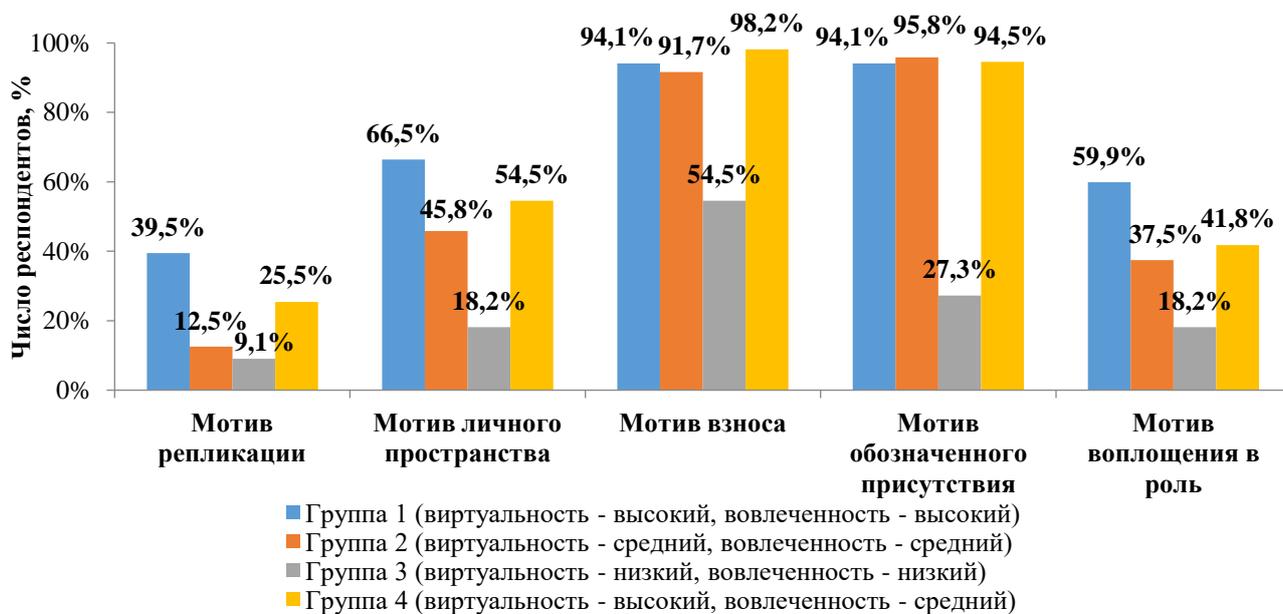
Группирующей выступала методика «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина). Для исследования цифровой составляющей использовалась методика «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина). Для исследования когнитивной составляющей использовался метод свободного сочинения на тему «Каким я вижу свое будущее...» и методика «Методика изучения образа возможного будущего» (В.Н. Петрова). Для исследования инструментальной составляющей использовались: методика «Методика изучения образа возможного будущего» (В.Н. Петрова), методика «Опросник временной перспективы Зимбардо», методика «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром, адаптация Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская) (Ф. Зимбардо и А. Гонсалес, адаптация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной). Для исследования эмоциональной составляющей использовались краткая версия опросника «Тест эмоционального интеллекта» (Д.В. Люсин, А.А. Панкратова, Д.С. Корниенко) и методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» (Р. Лихи, адаптация Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского, Я.А. Кочеткова и А.В. Ялтонской).

Второй этап предполагал определение предикторов образа будущего, выделение типологии образа будущего интернет-активной молодежи, разработку и

апробацию программы психологического сопровождения личности с пограничным и дезадаптивным типами образа будущего.

Результаты исследования цифровых маркеров личности – виртуальности и вовлеченности личности в интернет-пространство – позволили выделить следующие группы молодежи: группа 1 ($n = 182$) – с высокими показателями виртуальности и вовлеченности; группа 2 ($n = 92$) – со средними показателями виртуальности и вовлеченности; группа 3 ($n = 22$) – с низкими показателями виртуальности и вовлеченности, группа 4 ($n = 78$) – с высокими показателями виртуальности и средними показателями вовлеченности. Дальнейшее изучение компонентов образа будущего происходило в рамках выделенных групп.

Эмпирическое изучение цифровой составляющей образа будущего позволило выявить наличие достоверных различий у респондентов выделенных групп по показателям: мотив репликации ($H_{эмп.} = 19,904$, при $p \leq 0,05$), мотив личного пространства ($H_{эмп.} = 25,311$, при $p \leq 0,05$), мотив взноса ($H_{эмп.} = 40,874$, при $p \leq 0,05$), мотив обозначенного присутствия ($H_{эмп.} = 106,853$, при $p \leq 0,05$), мотив вживания в роль ($H_{эмп.} = 20,777$, при $p \leq 0,05$) [Рисунок 1].

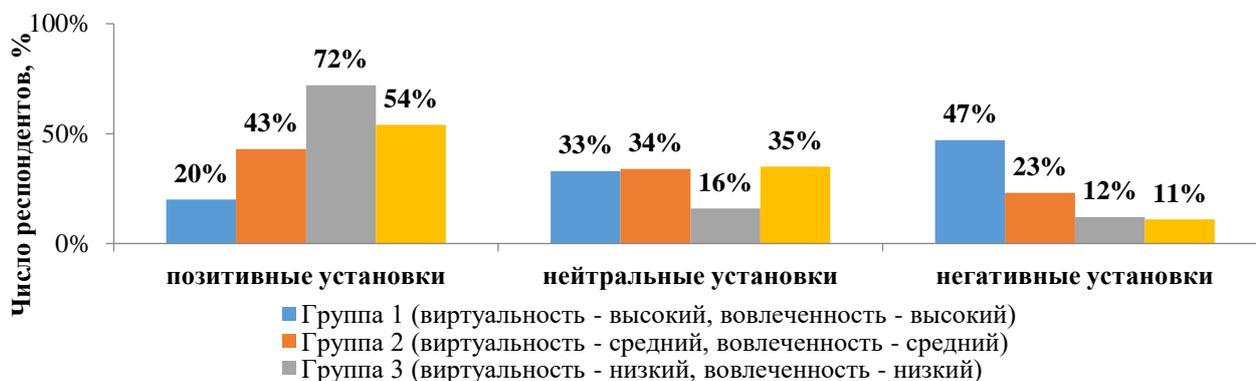

Рисунок 1. Результаты исследования мотивов вхождения в сеть Интернет среди групп респондентов

Как видно на Рисунке 1, достоверные межгрупповые различия указывают на различный мотивационный профиль вхождения в сеть Интернет. Мотив репликации наиболее выражен в группе 1, в группе 2 он отличается умеренной выраженностью, а в группах 3 и 4 имеет сопоставимо низкие значения ($H_{эмп.} = 19,904$, при $p \leq 0,05$). Таким образом, рост выраженности цифровых маркеров приводит к репликации собственного «я» в различных контекстах (создание новых страниц в социальных сетях). Наибольшая выраженность мотива личного пространства характерна для группы 1, в группах 2 и 4 значения снижаются до умеренно-высоких, а в группе 3 имеют наименьшую выраженность ($H_{эмп.} = 25,311$, при

$p \leq 0,05$). Данный факт свидетельствует о том, что с ростом виртуальности и вовлеченности для респондентов становится характерной потребность в наличии своей «цифровой территории» и конструировании собственного цифрового мира: создание личных кабинетов, ограничение доступа к страницам в социальных сетях. Выраженность мотива взноса имеет сопоставимо высокие значения в группах 1,2 и 4, а группа 3 имеет сниженные значения по данному показателю относительно других групп респондентов ($H_{эмп.} = 40,874$, при $p \leq 0,05$). При росте виртуальности у респондентов усиливается установка на распространение значимой информации посредством создания публикаций в личных аккаунтах и пересылке материалов другим пользователям. Выраженность мотива обозначенного присутствия имеет высокие значения в группах 1,2 и 4, в группе 3 – низкие ($H_{эмп.} = 106,853$, при $p \leq 0,05$), что свидетельствует о стремлении к многоточечной коммуникации и расширению сетевых контактов для поддержания видимости «я здесь и сейчас» при повышении уровня виртуальности. Мотив воплощения в роль наиболее выражен в группе 1, в группах 2 и 4 он отличается умеренной выраженностью, а в группе 3 имеет низкие значения ($H_{эмп.} = 20,777$, при $p \leq 0,05$). Это отражает усиление тенденции к примерке и проживанию готовых образов при повышении уровня выраженности цифровых маркеров: идентификации с персонажами цифрового мира и выстраивании самопрезентации в соответствии с выбранной ролью.

Эмпирическое изучение когнитивной составляющей позволило выделить ряд установок в отношении будущего: позитивные (свет, удовольствие, развитие, лестница вверх, выбор); нейтральные (неопределённость); негативные (мрак, застой, тяжелый труд, падение) [Рисунок 2].

Рисунок 2. Результаты исследования когнитивных установок в отношении будущего среди групп респондентов

Как видно на рисунке 2, существуют достоверные различия между выбором позитивных установок между группами ($H_{эмп.} = 38,388$, при $p \leq 0,05$), нейтральных установок ($H_{эмп.} = 18,375$, при $p \leq 0,05$); негативных установок ($H_{эмп.} = 16,912$, при $p \leq 0,05$). Следует отметить, что респондентам 1-ой группы характерны негативные (все умрем, мрак, темнота) или нейтральные установки (как получится, все сложно, не ясно); в рамках 2-ой группы значимых различий в выборе установок нет; для 3-ей группы характерны позитивные установки – все будет хорошо, будущее светлое, все получится; респонденты 4-ой группы

также чаще выбирают позитивные установки, как респонденты 3-ой группы, однако увеличивается и число молодежи с нейтральными установками (обычное, как позволит Всевышний).

Эмпирическое изучение инструментальной составляющей образа будущего позволило выявить наличие достоверных различий у респондентов выделенных групп по показателям: оптимистичность ($N_{эмп.} = 11,320$, при $p \leq 0,05$), реалистичность ($N_{эмп.} = 9,557$, при $p \leq 0,05$), согласованность жизненных планов, целей и ценностей ($N_{эмп.} = 6,220$, при $p \leq 0,05$), сочетание конкретности и перспективности ($N_{эмп.} = 16,266$, при $p \leq 0,05$), компетентность во времени ($N_{эмп.} = 16,914$, при $p \leq 0,05$), ориентация на будущее ($N_{эмп.} = 8,420$, при $p \leq 0,05$) [Рисунок 3].

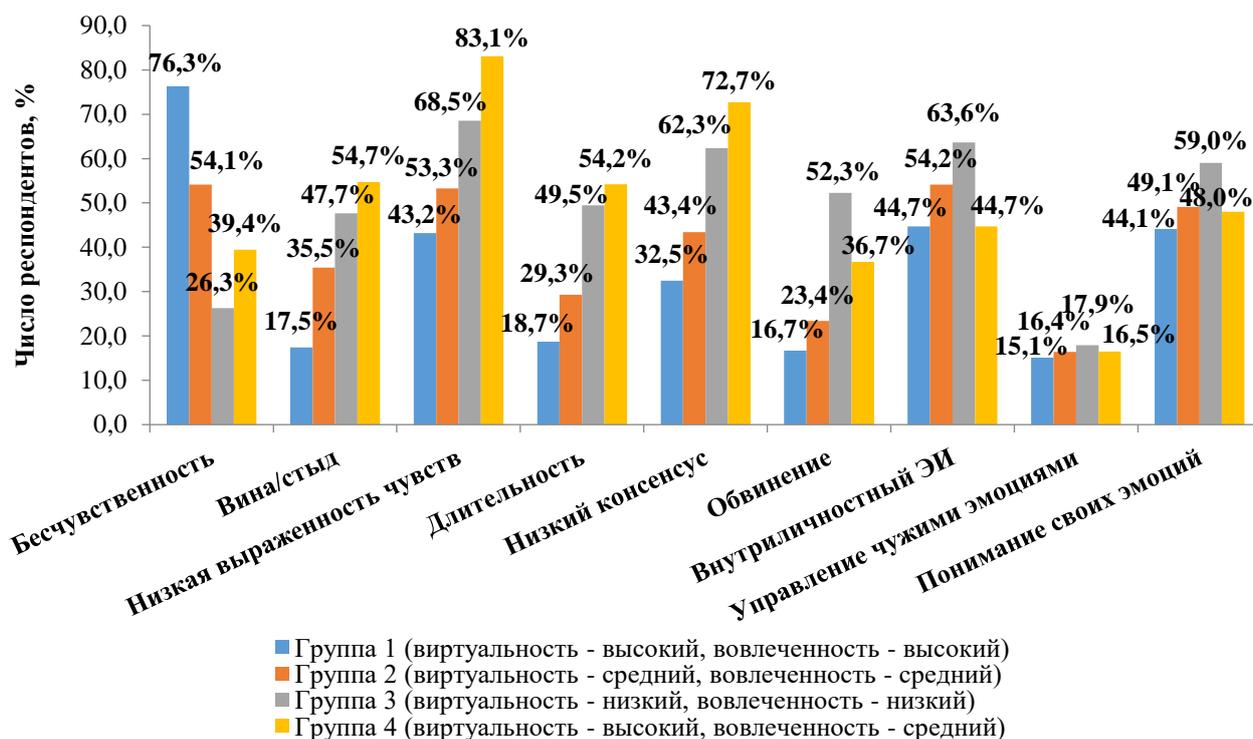
Рисунок 3. Результаты исследования инструментальной составляющей образа будущего среди групп респондентов

Как видно на рисунке 3, достоверные межгрупповые различия указывают на различные конфигурации образа будущего по параметрам пространственно-временного отношения. Наиболее выраженной оптимистичностью представлений о будущем характеризуется группа 3, в группе 2 значения несколько снижаются, группа 4 отличается средними значениями, а минимальными – группа 1 ($N_{эмп.} = 11,320$, при $p \leq 0,05$). Данный факт отражает смещение позитивной оценки представлений о будущем от интегрального ресурсного профиля к фрагментированному. Наиболее выраженной реалистичностью представлений о будущем характеризуется группа 2, с последующим снижением значений в группах 3 и 4 и минимальными значениями в группе 1 ($N_{эмп.} = 9,557$, при $p \leq 0,05$), что свидетельствует о различиях в степени рациональности представлений о будущем. По по-

казателю согласованности жизненных планов, целей и ценностей группа 3 демонстрирует наивысшие показатели, группа 2 и 4 – сопоставимо высокие, а группа 1 – минимальные среди групп респондентов ($H_{\text{эмп.}} = 6,220$, при $p \leq 0,05$). Группа 2 и 3 характеризуются сопоставимо высокими показателями сочетания конкретности и перспективности представлений о будущем, тогда как группа 4 – средними, а группа 1 – минимальными среди групп респондентов ($H_{\text{эмп.}} = 16,266$, при $p \leq 0,05$). Это отражает отличия групп с длительным и структурированным временным горизонтом планирования от краткого и абстрактно-целевого. Наибольшая выраженность ориентации на будущее характерна для группы 3, менее выражена ориентация у групп 1 и 4, а минимальные значения демонстрирует группа 2, что отражает различия в степени ориентации на стратегическое планирование ($H_{\text{эмп.}} = 8,420$, при $p \leq 0,05$). По показателю компетентности во времени наивысший уровень демонстрирует группа 3, менее выражена в группах 1 и 2, а минимальными значениями характеризуется группа 4. Данный факт свидетельствует о том, что глубокое погружение в цифровую среду может сопровождаться снижением способности воспринимать свою жизнь как непрерывный и целостный процесс ($H_{\text{эмп.}} = 16,914$, при $p \leq 0,05$).

Таким образом, будущее в восприятии групп дифференцируется следующим образом: для группы 1 – неопределённое, с размытыми целями и укороченным горизонтом планирования; для группы 2 – реалистичное, но преимущественно ориентированное на настоящее, с ослабленным вектором долгосрочного планирования; для группы 3 – ясное, с долгосрочной временной перспективой, устойчивым контролем и согласованием целей и ценностей; для группы 4 – благоприятное, однако частично абстрактное, с преобладанием ситуативного планирования.

Результаты эмпирического исследования эмоциональной составляющей образа будущего у респондентов выделенных групп позволили сделать выводы о наличии достоверных различий по следующим шкалам: внутриличностный эмоциональный интеллект ($H_{\text{эмп.}} = 7,162$, при $p \leq 0,05$); управление чужими эмоциями ($H_{\text{эмп.}} = 6,170$, при $p \leq 0,05$); понимание своих эмоций ($H_{\text{эмп.}} = 8,145$, при $p \leq 0,05$); бесчувственность ($H_{\text{эмп.}} = 13,254$, при $p \leq 0,05$), вина/стыд ($H_{\text{эмп.}} = 10,388$, при $p \leq 0,05$), низкая выраженность чувств ($H_{\text{эмп.}} = 12,123$, при $p \leq 0,05$), длительность ($H_{\text{эмп.}} = 17,391$, при $p \leq 0,05$), низкий консенсус ($H_{\text{эмп.}} = 23,423$, при $p \leq 0,05$), обвинение ($H_{\text{эмп.}} = 20,824$, при $p \leq 0,05$) [Рисунок 4].

Рисунок 4. Результаты исследования эмоциональной составляющей образа будущего среди групп респондентов

Как показали результаты исследования, у респондентов 1-ой группы эмоциональный фон слабо включен в контур ценностей и планирования будущего, что связано с фрагментарностью будущего: невысокая потребность связывать цели с личными смыслами приводит к снижению согласованности жизненных планов. Для 1-ой группы характерны низкие значения по показателям внутрличностного эмоционального интеллекта и понимания своих эмоций, относительно других групп респондентов, что говорит о дефиците саморефлексии и дифференциации собственных эмоций при высокой цифровой активности. Это может приводить к усилению зависимости от одобрения извне и, как следствие, снижению детализации и согласованности жизненных ориентиров, формированию внешнезависимых представлений о будущем.

Для респондентов 2-ой группы свойственна умеренная выраженность всех эмоциональных схем. Эмоциональный профиль данной группы респондентов обеспечивает регуляцию текущей деятельности, а не мобилизацию на долгосрочные цели, что приводит к ограниченной готовности к временной задержке результата и снижает ориентацию на долгосрочную перспективу. Группа 2 характеризуется сбалансированным эмоциональным интеллектом с достаточной осознанностью чувств и умеренными социально-регулятивными навыками, что согласуется с умеренно реалистичным и конкретным представлением о будущем.

Для респондентов группы 3 характерны высокие значения выраженности схем обвинения, низкого консенсуса и вины/стыда, что может привести к эмоциональным перегрузкам и риску руминативности. Склонность к обвинению отражает тенденцию переноса локуса причинности вовне, что может обострять конфликтность с окружением и снижать устойчивость планов при столкновении с

препятствиями. Группа 3 характеризуется наивысшими значениями по показателям эмоционального интеллекта среди остальных групп. Для них свойственна выраженная саморефлексия и эффективная межличностная регуляция эмоций, что способствует формированию внутреннего локуса ответственности за свое будущее.

Доминирующими эмоциональными схемами в группе 4 являются вина/стыд, низкая выраженность чувств, длительность и низкий консенсус. Респонденты группы 4 имеют профиль эмоциональной перегруженности с подавлением выраженности эмоций. Их переживания яркие и долгие, однако мало выражены вовне и сопровождаются самокритикой, а также ощущением «я не как все». В отношении представлений о будущем данная группа характеризуется усредненным стремлением в будущее и нестабильностью долгосрочной временной перспективы: переживания и самокритика усиливают восприятие будущего как требовательного и трудного. Для группы 4 характерна умеренная рефлексивность и низкая способность к управлению своими эмоциями, что обеспечивает распознавание собственных переживаний при невысокой способности к выстраиванию межличностных контактов. Недостаточная социальная поддержка может приводить к частой смене приоритетов, что может снижать эффективность планирования и протяженность временной перспективы личности.

Таким образом, эмоциональные схемы выступают в роли медиаторов между цифровыми маркерами личности и представлениями о будущем: эмоциональная холодность, как и перегрузка, по-разному, но снижают ориентацию на будущее, тогда как сбалансированный эмоциональный тонус – усиливает её. Рост цифровых маркеров личности связан со снижением саморефлексии и усилению зависимости от внешних эмоциональных стимулов, что приводит к менее устойчивым представлениям личности о своем будущем.

Исходя из того, что в каждой группе респондентов имеется наличие 20% респондентов с нетипичными значениями, необходимым является применение процедуры факторного анализа с вращением варимакс. В ходе исследования выявлены факторы, лежащие в основе типологии образа будущего интернет-активной молодежи.

С учетом веса каждого фактора, отметим, что для респондентов с низким уровнем виртуальности характерны: дефицит эмоционального интеллекта, неприятие чувств, противоречивость, разделение на «чистые» факторы без смешивания с другими. Стоит отметить, что образ будущего данных респондентов чаще всего имеет позитивную окраску. Для респондентов со средними значениями виртуальности образ будущего имеет наиболее адаптивный характер, учитывая, что фактор, имеющий наибольший вес, – «Целеустремленность и оптимизм». Пограничным характером обладает фактор «Потеря контроля и руминации», имеющий достаточный вес в данной группе. Высокий вес неконструктивных эмоциональных схем также приводит к пограничному или дезадаптивному типу, что подтверждается контент-анализом жизненных нарративов респондентов. Для респондентов с высоким уровнем виртуальности наибольший вес имеет фактор «Эмоциональная дезориентация». Данный фактор объединяет в себе чув-

ство потери контроля над эмоциями, их непонятность и длительность переживания, вину и стыд за эмоции, а также низкий уровень эмоционального интеллекта.

С целью выделения интегрального показателя адаптивного типа образа будущего был проведен корреляционный анализ, в результате которого определена структура адаптивного типа образа будущего: компетентность во времени ($r = 0,72$) – способность к целостному восприятию времени и действиям без прокрастинации, сохраняя связь между целями и текущими шагами; смысловую жизненную перспективу ($r = 0,65$), определяющую наличие ценностной ориентации, четких целей и веры в их достижимость, что отражает устойчивость конструирования будущего; согласованность жизненных планов, целей и ценностей ($r = 0,61$), которая отражает непротиворечивость целей и шагов на пути к их достижению; активность и самостоятельность при формировании жизненной перспективы ($r = 0,58$) – инициативность в построении жизненной стратегии, опора на личные решения, а не следование обстоятельствам; продолжительность временной перспективы ($r = 0,54$), отражающая хронологическую протяженность событий будущего; эмоциональный интеллект ($r = 0,48$), отражающий способность к пониманию и управлению эмоциями и способствующий реалистичному планированию и устойчивости к стрессовым воздействиям.

Проведенный множественный регрессионный анализ позволил выделить значимые характеристики адаптивного типа образа будущего [Таблица 1].

Таблица 1

Значимые характеристики адаптивного типа образа будущего личности интернет-активной молодежи

Предиктор	Коэффициент регрессии, β	t-статистика проверки нулевой гипотезы, t	Уровень значимости, p
Компетентность во времени	0,32	5,12	<0,001
Смысловая жизненная перспектива	0,25	4,01	<0,001
Общий эмоциональный интеллект	0,18	3,15	0,002
Вовлеченность	0,15	2,67	0,008
Мотив взноса	0,12	2,18	0,031
Виртуальность	-0,11	-2,02	0,045

Таким образом, адаптивный тип образа будущего обусловлен компетентностью во времени, смысловой наполненностью жизни, высоким эмоциональным интеллектом, высоким уровнем вовлеченности, мотивом взноса и низким уровнем виртуальности. Проведенный кластерный анализ позволил выделить три группы респондентов с различиями в типах образа будущего:

Конструктивные типы. В этой группе выделен адаптивный тип образа будущего (182 человека) – это респонденты со средним и низким уровнем виртуальности, высоким и средним уровнем вовлеченности в интернет-пространство, имеют высокий уровень компетентности во времени ($M=2,8$), умеют сохранять временной баланс, имеют высокую смысловую наполненность жизни

($M=2,9$), в том числе способность к планированию и осмысленности целей, реалистичны, придерживаются активной позиции в части формирования жизненной перспективы. В их образе будущего преобладают адаптивные факторы. Образ будущего, как правило, четкий, определенный.

Таким образом, конструктивность образа будущего проявляется в его способности выполнять регуляторную, смыслообразующую и стабилизирующую функции. Для личности это выражается в наличии целостной и протяжённой временной перспективы, согласованности жизненных целей, ценностей и планов, способности удерживать связь между текущими действиями и отдалёнными целями, а также в адекватной эмоциональной регуляции при столкновении с неопределённостью. Эмпирически конструктивный образ будущего связан с высокой компетентностью во времени, сформированной смысловой жизненной перспективой, выраженным эмоциональным интеллектом и умеренной интернет-активностью. «Эффекты влияния» в данном случае проявляются для самой личности – в устойчивости жизненного самоопределения и способности к долгосрочному планированию.

Неконструктивные типы.

Пограничный тип образа будущего (139 человек) – это респонденты со средним уровнем виртуальности и средним или высоким уровнем вовлеченности в интернет-пространство, имеют средние значения компетентности во времени ($M=2,1$), не всегда сохраняют временной баланс между прошлым, настоящим и будущим, имеют умеренную смысловую наполненность жизни ($M=2,0$). Среди факторов, обуславливающих образ будущего: гиперрациональность, чрезмерный рациональный контроль, обвинение, низкий консенсус, реализм без активности. Образ будущего у респондентов этой группы неопределенный, размытый.

Деадаптивный тип образа будущего (53 человека) – это респонденты с высоким уровнем виртуальности и средним уровнем вовлеченности в интернет-пространство, которые имеют низкие значения компетентности во времени ($M=1,4$) и смысловой наполненности жизни ($M=1,1$). Среди факторов, обуславливающих образ будущего: когнитивное упрощение/обесценивание, преобладание неконструктивных эмоциональных схем, низкий эмоциональный интеллект и неприятие чувств.

Деструктивность (неконструктивность, деадаптивность) образа будущего проявляется в снижении или утрате указанных функций. Для личности это выражается в фрагментарности и укороченности временной перспективы, несогласованности целей и ценностей, преобладании неопределённости или негативных ожиданий, а также в нарушении эмоциональной саморегуляции. Эмпирически деадаптивный образ будущего связан с низкой компетентностью во времени, дефицитом смысловой наполненности жизни, преобладанием неконструктивных эмоциональных схем и зависимыми извне формами жизненного планирования. «Эффекты влияния» здесь также касаются самой личности и проявляются в росте прокрастинации, снижении субъективного контроля над жизнью, уязвимости к стрессу и трудностям при проектировании будущего.

Как видно по результатам исследования, часть респондентов, относящаяся

к пограничному и дезадаптивному типу, нуждается в психологическом сопровождении.

Программа психологического сопровождения опирается на интегративный подход к коррекции и включает три коррекционных блока: блок коррекции когнитивных установок, блок коррекции пространственно-временного отношения к будущему и блок коррекции эмоциональных особенностей.

1. Блок коррекции когнитивных установок направлен на работу с нереалистичным, неструктурированным и негативным представлением о будущем. Работа в данном модуле заключалась в устранении негативных установок и развитии способности к целенаправленному и осознанному планированию будущего личности.

2. Блок коррекции пространственно-временного отношения к будущему направлен на развитие целостного восприятия времени, укрепление связей между прошлым, настоящим и будущим, а также формирование устойчивой ориентации на долгосрочные жизненные перспективы.

3. Блок коррекции эмоциональных особенностей направлен на развитие эмоционального интеллекта, эмоциональной саморегуляции, снижение выраженности неконструктивных эмоциональных схем, а также развитие устойчивости к стрессовым воздействиям.

На втором этапе эксперимента приглашения к участию были разосланы среди представителей групп с дезадаптивным и пограничным типом образа будущего методом случайных чисел. В итоге согласие на участие выразили 54 человека: в группу с дезадаптивным типом образа будущего вошли 25 респондентов, а в группу с пограничным типом – 29 респондентов. Программа психологического сопровождения реализовывалась в течение 1 учебного года.

При психологической работе с респондентами с дезадаптивным типом образа будущего особое внимание уделялось работе с низким уровнем компетентности во времени и сформированности смысловой жизненной перспективы, низким уровнем эмоционального интеллекта и выраженностью неконструктивных эмоциональных схем. Для респондентов с пограничным типом образа программа психологического сопровождения реализовывалась с целью профилактики и заключалась в применении методов, направленных на повышение компетентности во времени, уровня сформированности смысловой жизненной перспективы, а также на снижение выраженности неконструктивных эмоциональных схем.

В обеих группах применялась единая программа сопровождения, адаптированная под групповые особенности, которая включала работу с дневниками самонаблюдения, ретроспективные и проективные методы.

Под влиянием системы психологического сопровождения у респондентов с дезадаптивным типом образа будущего отмечаются позитивные изменения уровня компетентности во времени ($Z = 3,000$, при $p \leq 0,05$), сформированности смысловой жизненной перспективы ($Z = 3,317$, при $p \leq 0,05$), а также эмоционального интеллекта ($Z = 2,828$, при $p \leq 0,05$). Также отмечается достоверное снижение выраженности неконструктивных эмоциональных схем: «Потеря контроля» ($Z = -2,449$, при $p \leq 0,05$), «Длительность» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$), «Непонятность» ($Z = -2,236$, при $p \leq 0,05$), «Упущенный взгляд» ($Z = -3,162$, при $p \leq 0,05$),

«Непринятие чувств» ($Z = -3,317$, при $p \leq 0,05$), «Бесчувственность» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$), «Обвинение» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$), «Низкий консенсус» ($Z = -2,828$, при $p \leq 0,05$), «Вина и стыд» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$).

В результате психологической работы с респондентами с пограничным типом образа будущего были отмечены позитивные изменения уровня компетентности во времени ($Z = 3,162$, при $p \leq 0,05$), уровня сформированности смысловой жизненной перспективы ($Z = 3,873$, при $p \leq 0,05$), а также уровня эмоционального интеллекта ($Z = 3,000$, при $p \leq 0,05$). Также отмечается снижение выраженности неконструктивных эмоциональных схем: «Потеря контроля» ($Z = -2,828$, при $p \leq 0,05$), «Длительность» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$), «Непонятность» ($Z = -2,828$, при $p \leq 0,05$), «Низкая выраженность чувств» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$), «Непринятие чувств» ($Z = -3,000$, при $p \leq 0,05$), «Обесценивание» ($Z = -2,828$, при $p \leq 0,05$), «Обвинение» ($Z = -2,646$, при $p \leq 0,05$), «Низкий консенсус» ($Z = -2,828$, при $p \leq 0,05$), «Вина и стыд» ($Z = -3,162$, при $p \leq 0,05$).

Повторно проведенное сочинение «Каким я вижу своё будущее...» с респондентами этих типов показали, что имеются положительные изменения выраженности когнитивных установок в отношении будущего после реализации программы психологического сопровождения.

Для респондентов с дезадаптивным типом образа будущего до реализации программы сопровождения были характерны преимущественно негативные и нейтральные установки в отношении будущего. По результатам повторного сочинения, после реализации программы психологического сопровождения, негативные установки не выявлены.

Для респондентов с пограничным типом образа будущего до реализации программы сопровождения были характерны позитивные и нейтральные установки в отношении будущего, при этом отмечалось небольшое число респондентов с негативными установками. После реализации программы психологического сопровождения когнитивные установки сохранили позитивный и нейтральный вектор при абсолютном отсутствии негативных формулировок.

Таким образом, в результате реализации программы психологического сопровождения наблюдаются конструктивные изменения в структуре образа будущего личности интернет-активной молодежи.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

1. Теоретически обосновано, что основным методологическим подходом к исследованию является интегративный подход к изучению образа будущего интернет-активной молодежи, объединяющий концепции временной перспективы, ценностно-смысловой регуляции, а также концепцию интернет-активности личности.

2. Установлено, что образ будущего личности интернет-активной молодежи представлен как многоуровневая структура, включающая в себя цифровые характеристики личности (виртуальность, вовлеченность в интернет-пространство, мотивация вхождения в сеть), когнитивные установки по поводу будущего, пространственно-временное отношение к будущему и эмоциональные характеристики личности.

3. Определены психологические характеристики образа будущего интернет-активной молодежи: цифровые (виртуальность ($\beta = -0,11$ при $\rho=0,045$), вовлеченность ($\beta = 0,15$ при $\rho=0,008$), мотив взноса ($\beta = 0,12$ при $\rho=0,031$)), когнитивные (смысловая жизненная перспектива ($\beta = 0,25$ при $\rho<0,001$)), инструментальные (компетентность во времени ($\beta = 0,32$ при $\rho<0,001$)) и эмоциональные (общий эмоциональный интеллект ($\beta = 0,18$ при $\rho=0,002$)).

4. Выявлено, что параметры интернет-активности являются значимыми характеристиками когнитивно-временной организации образа будущего интернет-активной молодежи: рост виртуальности личности сопровождается снижением уровня понимания своих эмоций ($H_{эмп.} = 8,145$, при $\rho\leq 0,05$), оптимистичности ($H_{эмп.} = 11,320$, при $\rho\leq 0,05$), реалистичности будущего ($H_{эмп.} = 9,557$, при $\rho\leq 0,05$) и ориентации на будущее ($H_{эмп.} = 8,420$, при $\rho\leq 0,05$), что приводит к менее устойчивым представлениям о будущем.

5. Эмпирически обоснована типология образа будущего интернет-активной молодежи, основанная на вариативности показателей сформированности характеристик, которая включает адаптивный, пограничный и дезадаптивный типы будущего: адаптивный образ будущего проявляется в способности выстраивать целостную и протяженную временную перспективу, наличии устойчивых смысловых ориентиров, согласованности целей и жизненных ценностей, в адекватной эмоциональной регуляции при столкновении с неопределённостью; пограничный образ будущего занимает промежуточное положение между адаптивным и дезадаптивным типами и характеризуется частичной сохранностью регуляторных функций. Для личности он проявляется в наличии представлений о будущем и отдельных целей, однако при их фрагментарности, слабой согласованности и недостаточной устойчивости; дезадаптивный образ будущего личности проявляется в неспособности выстраивать целостную и протяженную временную перспективу, отсутствии устойчивых смысловых ориентиров, несогласованности целей и жизненных ценностей, а также дефиците эмоциональной саморегуляции.

6. Доказано, что программа психологического сопровождения для лиц с пограничным и дезадаптивным типом образа будущего, опирающаяся на развитие целостного переживания временной перспективы и эмоциональной регуляции и направленная на повышение адаптивности и конструктивности при формировании образа будущего интернет-активной молодежи, показала эффективность (Т-критерий Уилкоксона, $\rho\leq 0,05$): у пограничного типа зафиксирован рост компетентности во времени ($Z = 3,162$), смысловой перспективы ($Z = 3,873$) и эмоционального интеллекта ($Z = 3,000$) и снижение выраженности эмоциональных схем – «Потеря контроля» ($Z = -2,828$), «Длительность» ($Z = -2,646$), «Непонятность» ($Z = -2,828$), «Низкая выраженность чувств» ($Z = -2,646$), «Непринятие чувств» ($Z = -3,000$), «Обесценивание» ($Z = -2,828$), «Обвинение» ($Z = -2,646$), «Низкий консенсус» ($Z = -2,828$), «Вина и стыд» ($Z = -3,162$), при сохранении позитивно-нейтрального когнитивного вектора и отсутствии негативных формулировок в отношении будущего; у дезадаптивного типа отмечен рост компетентности во времени ($Z = 3,000$), смысловой жизненной перспективы ($Z = 3,317$) и эмоционального интеллекта ($Z = 2,828$) при одновременном снижении неконструктивных схем – «Потеря контроля» ($Z = -2,449$), «Длительность»

($Z = -2,646$), «Непонятность» ($Z = -2,236$), «Упрощённый взгляд» ($Z = -3,162$), «Непринятие чувств» ($Z = -3,317$), «Бесчувственность» ($Z = -2,646$), «Обвинение» ($Z = -2,646$), «Низкий консенсус» ($Z = -2,828$), «Вина и стыд» ($Z = -2,646$), при исчезновении негативных установок о будущем.

Практические рекомендации. Результаты данного исследования имеют прикладное значение для психокоррекционной работы психологов, социальных педагогов и педагогов в образовательных учреждениях, а также для практических психологов при консультировании и профориентации интернет-активной молодежи.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы могут быть определены в следующих направлениях:

1. Исследование психологических особенностей образа будущего интернет-активной молодежи в деструктивных интернет-сообществах.
2. Исследование гендерных различий образа будущего интернет-активной молодежи с различным уровнем интернет-активности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. В журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций

1. Литвиненко, Н. В. Психология виртуального пространства: анализ проблемы / Н. В. Литвиненко, И. Г. Литвиненко // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2023. – № 2(62). – С. 149-157. – авт. вклад 0,55 п.л.

2. Жихарева, Л. В. Восприятие будущего в контексте интернет-активности личности [Электронный ресурс] / Л. В. Жихарева, И. Г. Литвиненко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN524.pdf>. – авт. вклад 0,25 п.л.

3. Литвиненко, И. Г. Особенности временной перспективы личности с разным уровнем эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] / И. Г. Литвиненко, Н. В. Литвиненко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN325.pdf>. – авт. вклад 0,35 п.л.

4. Литвиненко, И. Г. Психологическое время интернет-активной личности / И. Г. Литвиненко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 139-147. – авт. вклад 0,7 п.л.

5. Литвиненко, И. Г. Характеристики пространственно-временного отношения к будущему как предикторы образа будущего интернет-активной молодежи / И. Г. Литвиненко // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – Вып. 89, Ч. 2. – С. 477-479. – авт. вклад 0,45 п.л.

6. Литвиненко, И. Г. Эмоциональная составляющая образа будущего интернет-активной молодежи: идентификация предикторов / И. Г. Литвиненко, Л. В. Бура // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – Вып. 89, Ч. 2. – С. 480-482. – авт. вклад 0,25 п.л.

II. Остальные работы

7. Литвиненко, И. Г. Погруженность в интернет-пространство как маркер образа будущего личности / И. Г. Литвиненко // Молодая наука : сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых (Симферополь, 8 ноября 2024 г.) / под ред. В. В. Лаврик. – Симферополь : ИП Хотеева Л. В., 2024. – С. 199-201. – авт. вклад 0,15 п.л.

8. Литвиненко, И. Г. Образ будущего интернет-активной молодежи / И. Г. Литвиненко // Традиции и инновации в современной психологии и педагогике : сборник статей Международной научно-практической конференции (Киров, 04 ноября 2025 г.). – Уфа : Аэтерна, 2025. – С. 113-116. – авт. вклад 0,25 п.л.

Литвиненко И.Г. Психологические особенности образа будущего интернет-активной молодежи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 5.3.1. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2026. 24 с.